

— Это не большая проблема, — произнесла Линь Цинхэ, когда она это сказала.

Она рассказала ей о ситуации Чжоу Сяомэй.

— Даже если твоя свекровь будет недовольна вашим переездом, она будет рада воспитывать ребенка, если ты будешь давать ей деньги. Это ведь и ее внук тоже, — сказала Линь Цинхэ.

Шэнь Юй была потрясена, когда услышала это:

— Вырастить собственного внука и еще получать за это деньги?

— Деньги могут заставить призраков перестать приставать, — ответила Линь Цинхэ.

Шэнь Юй примерно поняла смысл, но не захотела давать деньги.

Линь Цинхэ не стала ее уговаривать. Достаточно было упомянуть и остановиться.

Попрощавшись с Шэнь Юй, Линь Цинхэ отправилась домой, купив все необходимое.

— Мама, я тебе больше не нравлюсь! — увидев, что мать вернулась, Саньва начал обвинять ее.

— Почему ты мне больше не нравишься? — рассмеялась Линь Цинхэ. Она открыла конфету и собиралась засунуть ее ему в рот.

Однако Саньва отвернулся. Он действительно смог устоять перед соблазном конфеты.

— Мама, не думай, что сможешь задобрить меня такой мелочью, — заявил Саньва.

— Я думаю, что ты съел слишком много сахара и хочешь взбунтоваться, — отвечая, Линь Цинхэ съела конфету.

Саньва молчал.

Линь Цинхэ заговорила:

— Скажи маме, почему ты вдруг стал таким сентиментальным?

— Мама, ты не берешь меня в город, — пожаловался Саньва.

— Тогда в следующий раз я возьму тебя на прогулку. Но если ты будешь бродить по городу один, то я не соглашусь, — сказала Линь Цинхэ.

Глаза Саньва загорелись:

— Мама, а ты не просто уговариваешь меня?

Линь Цинхэ протянула ему пачку красных фиников:

— Это то, что твоя сестра Сяо Си хотела купить. Иди и отдай ей.

— Мама, мои конфеты, — протянул руку Саньва.

— Их нет, — Линь Цинхэ проигнорировала его, повернулась и пошла на задний двор.

Саньва сначала отнес красные финики, а затем вернулся, чтобы прильнуть к матери.

— Что ты сегодня делал? — спросила его Линь Цинхэ.

Девушке было нечего делать, поэтому она чаще совершала поездки в уездный город.

— Я выкопал птичье гнездо, — сказал Саньва.

— Пойди сам выбери помидор и съешь его, — подсказала Линь Цинхэ.

— Мама, где моя конфета? — уставился на нее Саньва.

Линь Цинхэ усмехнулась:

— Время прошло. Я просто дала ее тебе, а ты не захотел. Теперь ты хочешь, а ее нет.

— Мама, ты обжора, — пожаловался Саньва.

— Если мама не была бы обжора, то как бы она родила тебя, маленького обжору? — засмеялась Линь Цинхэ.

Саньва тоже засмеялся. Он сорвал помидор, помыл его и съел. Затем сказал:

— Мама, я тоже хочу пойти в школу.

— Тебе придется подождать два года. Кстати, почему ты сегодня так рано вернулся? — спросила Линь Цинхэ.

Обычно он не возвращался, пока не наступало пять или шесть часов. Сегодня было только четыре часа, а он уже вернулся.

— Их шарики разбиты. Я больше не хочу с ними играть, — ответил Саньва.

Линь Цинхэ усмехнулась.

Среди этих детей тоже были свои принципы.

Дети могли снова начать играть вместе после драки. Но если ссора была из-за шариков, они не будут играть вместе, в каких бы хороших отношениях раньше они ни находились.

— Я дал Гоу Цзы один, но он потерял его и хотел попросить еще. У меня самого не так много их, — продолжал Саньва.

Линь Цинхэ предложила:

— Тогда можно поиграть в прятки.

В это время на улице скопилось много соломенных куч, которые были хорошим местом для игры в прятки.

— Нет, от них чешется тело, — сказал Саньва.

Закончив разговор с сыном, Линь Цинхэ быстро привела в порядок огород.

Что касается свинарника и курятника, то это была проблема Чжоу Цинбая. Девушка по-прежнему придерживалась старых правил. Она занималась этим во время летнего и осеннего сбора урожая, а в остальное время этим занимался Чжоу Цинбай.

Линь Цинхэ взяла в руку горсть бобов.

Вечером они должны были есть жареную свинину с фасолью. Кроме того, будет яичница с зеленым луком и томатный суп — этого достаточно.

Помидоры на заднем дворе почти закончились, и старые кусты были убраны.

— Мама, у нас сегодня будут булочки из красной фасоли? — спросил Саньва.

— Булочки из красной фасоли будут завтра. Сегодня уже слишком поздно, — ответила Линь Цинхэ.

Саньва ничего не сказал. Съев помидор, он подошел к выходу, чтобы поиграть с самим собой в шарики.

Мать Чжоу принесла маленького Су Чэна к Линь Цинхэ.

Маленький Су Чэн недавно начал самостоятельно вставать. Но он пока только стоял, ходить еще не мог.

В прошлом месяце Су Далинь пришел с хорошими новостями. Чжоу Сяомэй снова была беременна.

Надо сказать, что в эту эпоху у людей было хорошее здоровье, им было легко иметь детей.

Линь Цинхэ не осмеливалась смотреть на лицо Чжоу Цинбая. Он всегда хотел, чтобы у нее был еще один ребенок, но она сама не могла родить.

Пришедшая мать Чжоу и хотела помочь, но Линь Цинхэ сказала:

— Мама, присмотри за маленьким Су Чэном. Не позволяй ему хватать шарики Саньва.

Дети в этом возрасте хватали все, что видели, и запихивали в рот. Малыш все еще находился на стадии изучения мира ртом. Но ему не разрешалось ничего есть.

Матушка Чжоу не вмешивалась, видя его стремительные движения. Она улыбнулась и сказала:

— Твоя третья невестка снова беременна. Это тоже совпадение.

— Снова беременна? — губы Линь Цинхэ дернулись.

Когда третья невестка родила Уни, ее тело было повреждено. После этого она родила двух детей подряд. Если считать и этого, то он был уже четвертым.

— Она хочет еще одного сына. Если бы у нее было так же, как у тебя, она бы точно не стала рожать еще одного ребенка, — тут же пояснила матушка Чжоу.

Мать Чжоу до сих пор думала, что это ее младший сын не способен завести ребенка, поэтому она быстро все исправила, боясь, что невестка будет недовольна.

Линь Цинхэ не стала долго раздумывать. Она лишь немного переживала по поводу экспоненциального роста населения в этом обществе.

Похоже, что с этого момента и до 1980-х годов правительство, наконец, начнет заниматься планированием семьи. Хотя в настоящее время шли какие-то дискуссии, никого это не волновало. Люди рожали столько, сколько им нравилось.

После того как Чжоу Цинбай и отец Чжоу вернулись с работы, начался ужин.

Ночью, засыпая, Чжоу Цинбай сказал:

— Я слышал, как третий брат сказал, что третья невестка снова беременна.

— Да, — Линь Цинхэ ответила с легким чувством вины.

— Мы не можем родить, — сказал Чжоу Цинбай.

— Ага, — продолжала отвечать Линь Цинхэ.

Чжоу Цинбай отвернулся.

Что еще оставалось делать Линь Цинхэ? Естественно, она стала его уговаривать.

После уговоров ситуация неосознанно изменилась. Линь Цинхэ была съедена изнутри и снаружи.

— Чжоу Цинбай, завтра тебе нужно идти на работу! — слабо сказала Линь Цинхэ.

— Я сегодня закончил, мне не нужно завтра идти на работу, — ответил Чжоу Цинбай, удовлетворенно обняв ее.

Линь Цинхэ немного испугалась:

— Тебе не нужно идти на работу с завтрашнего дня?

Она хорошо знала мужчину своей семьи. Если ему не нужно идти на работу, значит, ее будут ждать тяжелые дни. Теперь он не остановится.

— Тебе это тоже нравится, — прошептал ей на ухо мужчина.

Линь Цинхэ мысленно ответила:

— Как будто мне это нравится. Ты не боишься, что твои почки ослабеют, а я боюсь, что моя почки ослабеют от всего этого безудержного образа жизни!

— Я чувствую, что в этом году холода наступят быстрее. Завтра попросим ребят прийти и переночевать здесь, — сказала Линь Цинхэ и сухо кашлянула.

— Пусть спят там, — равнодушно сказал Чжоу Цинбай.

Мальчики уже были такими большими, что должны были научиться быть самостоятельными. Так что обсуждать было нечего.

Более того, в конце года он сможет общаться с женой только во время зимней изоляции. Обычно, когда она заботилась о том, насколько он занят, она не позволяла ему делать то, что он хотел.

<http://tl.rulate.ru/book/36775/2041027>